

Ретроспект: Витки Спирали

Автор:

Виктор Моключенко

Ретроспект: Витки Спирали

Виктор Александрович Моключенко

Ретроспект #4

Все возвращается на круги своя, и ничего не напоминало о прежней Зоне, разве что иссушенные ветки-стволы, тянущиеся к небу с немой укоризной. Не бродили больше мутанты, не поджидали аномалии, утихла стрельба, исчезнув, словно кошмарный сон человечества. Но что делать в этом новом, дивном, светлом мире путнику, привыкшему воевать?

Виктор Моключенко

Ретроспект: Витки Спирали

Исходный виток

- 01 —

Вжик! Вжик! Блестящая сталь со свистом проносится над землей. Потревоженная трава, роняя гроздь росы, со стоном падает вниз. Рассвет только разгорается, сереет, бросая над лесом первые несмелые блики. Зрачки

расширены, дыхание прерывается, руки до боли сжимают отполированную рукоять. Свист, поворот – человек сделав полукруг на миг замирает. С лица градом катится пот, оголенное по пояс тело бугрится звенящими от напряжения мышцами.

– Не могу больше...

Свист, поворот, сталь с шипением разрезает воздух возле самых ног...

– Коси, Брама! – раздаётся от дерева смешок – солнце встанет, тяжелее будет.

– Воды дай, истязатель!

Брама хукнув загнал рукоять косы в землю, довольным взглядом окинув полосу скошенной травы. Доктор неспешно обкосив свесившуюся от тяжелых плодов яблоню бросил флягу. Путник, выпив остатки сел на покос, похлопав по карманам хамелеоновых брюк, вытянул сигареты и со вкусом закурил. К проблеску зари добавился тлеющий огонек «путних». Журбин прислонил косу к яблоне, провел по влажному от росы стволу и сел рядом.

От леса тянуло влагой, по земле клубился туман. Белый, густой, самый обыкновенный. Солнце медленно и как бы нерешительно отделилось от небокрая брызнув багрянцем, и тут же раздались многоголосые птичьи трели. Аист на крыше захлопал крыльями и, оттолкнувшись длинными ногами, потянул в сторону болот. Брама проводил его взглядом. Все возвращается на круги своя, вот и птицы вернулись к старым разоренным гнездам, и ничего не напоминало о прежней Зоне, разве что иссушенные ветки-стволы, тянущиеся к небу с немой укоризной. Не бродили больше мутанты, не поджидали аномалии, утихла стрельба, исчезнув, словно кошмарный сон человечества. Страхи уходят, былое детство сменяется юностью, а ночь сменяется днем. Иначе не дано, иначе невозможно.

– Не кори себя – промолвил Журбин, разглядывая клубящееся солнце – ни в чем ты не виноват.

– Всем в этом новом чудном мире есть место – вздохнул путник – кроме меня. Не мое это, не мое! Понимаешь?

– А тебе обязательно надо, чтобы вокруг свистели пули? – скосил глаза Журбин, вытягивая из пачки сигарету.

Курить он не курил, так, за компанию, скрашивая одиночество убежавшего на край света Браммы.

– Нет, я рад, что все так повернулось, только мне что тут делать? У всех есть свое дело: Ирис с Криптой добивают последних выворотников, Верес с Полиной засели в своем НИИ и носа не кажут. Самума вообще забыл, когда видел.

– Скучно стало – покивал Журбин, жуя стебелек – как же, как же понимаю.

Брама кинул на Доктора взбешенный взгляд, но тут же поник, кивнув подходящему от хаты Гордеичу:

– Как здоровье, отец?

– Не жалуюсь, чего Бога гневить – ответил тот, протягивая запотевший глечик и хозяйски осматривая скошенные валки травы – Полина настоящая чаровница, всю хворь как рукой сняло. Думал не жить мне.

– Полно тебе – укоризненно покачал головой Журбин – здоровье определенно пошло на лад, ни малейших следов заболевания. Но дубовую кору пожевать бы стоило.

– А кору зачем? – сложив руки ковшиком и умывая лицо под струей колодезной воды, спросил путник.

– Зубы легче резаться будут – пряча усмешку в прищуре глаз, ответил Доктор – думаешь, не заметил, как ты на сухари подсел, седая твоя голова?

– Все-то ты видишь – засмутился Гордеич – не положено в таком возрасте человеку во второй раз ими обзаводиться.

– А вот Митрич так не думает. Рад радешенек своей старой руке, так чего тебе новым зубам не радоваться?

– Ты мне, сынку, зубы не считай, все что ни есть мои! Лучше за козой приглядывай. На меня Митрич, что ли оставил?

– А ведь верно – сплюнул путник в сердцах – Манька! Манька! Манька, едрит твою через колено!

Он вздохнул и побрел в сторону леса на отдаленно торжествующее Манькино «меее!».

Старики какое-то время молчали, любясь рассветом. Гордеич, несмотря на осуждающий взгляд Доктора, закурил, и задумчиво разглядывая расчищенную от зарослей улочку хуторка обронил:

– Не натворил бы он делов. Как думаешь?

– Тесно парню. Не свyksя – уходил из одного мира, а вернулся в другой. Чужой он для него. В этом и беда.

– А разве плохо? Глянь, как все изменилось. Не ради этого ли воевали, кровь и слезы проливали?

– Все так, Гордеич, все так. Но то, что легко приходит, также легко уходит. Мир радо принял дармовую энергию, с восторгом обрел лекарства от многих болезней, но для внутреннего изменения этого мало.

– Время покажет. Как ни крути, чтобы изменить человека нужно время. Слишком долго мы жили в опасении, страхе. Всего боялись: войны боялись, бомбы юсовской, нового курса партии, а следом за ним талонов и очередей. От того и привыкли воровать, прятать на черный день. Все вокруг колхозное, все вокруг мое! А как спросить, так и не с кого.

– Слишком сложные вопросы, Гордеич – покивал Журбин – если бы я знал ответы.

– А что остается нам, старикам? Только выгрывать на солнце свои косточки да философствовать о жизни.

– Старость наступает не раньше, чем постареет душа. А куда это Митрич запропастился?

Кусты зашевелились, показался Брама, волокущий из чащобы козу, которой потеря второй головы ничуть не убавила вредности: бессовестная скотина упиралась и орала как резаная, переполошив всю округу. Из-за светивших свежим деревом соседских ворот послышался гогот гусей. Дородная пожилая хозяйка вытирая руки фартуком приоткрыла калитку и убедившись что ничего страшного не происходит, поздоровалась и возвратилась к встревоженному хозяйству.

– Ушел на болота, вдруг и туда вернулись люди? Люди, они всегда к отчему дому возвращаются. Сколько бы лет ни прошло, а родина остается родиной. У нас почти все вернулись, дождавшиеся хозяев дома ожили, больше не скорбят. А то, бывало, как заведут скрипеть-переговариваться. Колхоз поднимают, техники нагнали, отстроили и контору и тракторную: там только на честном слове держалось, мерцало аномалиями. Да и хуторок снести поначалу хотели – отстроить быстрее, но люди не дали. Уперлись, стали на своем, не дадим и все тут. Сам-то надолго к нам?

– Рад надолго, да накопилось за годы дел, только успевай поворачиваться, не знаешь, за что сперва хвататься. Страна она тоже вроде застарелого хуторка – при жильцах, но без хозяев. И живут там, да толку мало, заросло все бурьяном.

Путник, чертыхаясь, привязал козу к дереву, но гордое животное, не опускаясь до уровня человека косило ехидным взглядом и победоносно жевало траву.

– Как, широка полянка, отец, хватит места? А то я, вместе с профессией козопаса, могу освоить и прочее земледелие.

– Хватит. Столы расставим, постелим, все как надо сделаем. Народу ведь немного будет. Все свои.

– Три года пробежали как вода. Седины вот добавилось, а ума нет. Не сидится мне на месте, не имется.

– Хватит прибедняться – бугаище бугаищем, сил немеряно, а туда же, седина! Поживи-ка с мое, сынку, а потом ной.

- Все отец, не хотел я - опустил плечи Брама - только деть куда себя, не знаю. Ей Богу не знаю. Вроде и сила есть, и ум, да только ноет в душе. Что-то не сделанное, а оно, знаешь...

Доктор покивал, приложил ко лбу ладонь, что-то высматривая, и приветственно махнул рукой. В утреннем небе показалась точка, начала наплывать, увеличиваться, пока не превратилась в узкий веретенообразный объект.

Хищная тень пронеслась над хуторком и замерла над опушкой. Под вытянутым телом бескрылого самолета едва заметно вибрировал сгустившийся воздух. Дверь скользнула в сторону, на траву прыгнул человек в кожаном плаще и подал руку женщине. Полина кошачьим шагом скользнула вниз, сжимая отчаянно брыкающегося ребенка, и подлетела к встречающим.

- Деда! Как ты тут? Помолодел, гляжу.

- Полинка, внучка! Изменилась то как, а? Ну да, молодость она так и прет в последнее время. А это кто у нас?

Малыш, засунув палец в рот, изумленно рассматривал нависшего над ним Браму. Тот приобнял Полину, дурашливо поморщился от ее толчка в твердокаменный бок и затем крепко обнялся с Самумом.

- Гляжу, во всегдашней форме особистов. Сталь и кожа, не жарко?

- Будет жарко, сниму. Футболка памятная осталась. Та самая, с надписью на всю грудь.

- А старший Верес где, вроде тоже собирался? - спросил Журбин у Полины, глядящей визжащую Жучку. Жучка высоко подскакивала, норовила лизнуть в лицо, предусмотрительно уворачивая пушистый хвост от цепких рук дитяти.

- На совещании ООН - поморщилась она - подменяет Самума. Как всегда, спор о монопольном правомочии СССР на Агартти и ресурсы Зоны. Вересу вредности не занимать, для таких переговоров он годится как никто, не отдаст ни пяди.

– Ну, знамо дело – хохотнул Брама – ему палец в рот не клади, откусит по локоть. И что ты в нем такого нашла? Я вот тоже вредный и никто меня за это не любит.

Поднявшись на цыпочки, Полина чмокнула путника в щеку. Тот расплылся в благодарной улыбке, подхватил младшего Вереса на закорки и, изображая самолет, закружил по поляне. Дитя радостно визжало, Брама старательно гудел, и даже обремененный судьбами человечества Журбин улыбнулся прищуром глаз. Затем нахмурился и бросил недоуменный взор на дверь глайдера. На траву срыгнул смеющийся Ирис, а за ним скатились два лохматых клубка.

– Жду когда спросят о остальных! А ведь ты не сразу меня услышал, верно?

– Верно – склонил голову Доктор, разглядывая крутящиеся вокруг Браммы лохматые клубки – и это меня насторожило.

– Испугало – засмеялся лесник – ты все привык держать под контролем, старый пройдоха. Но эта парочка уникальна.

Он коротко свистнул и крутящиеся вокруг раскрасневшегося Браммы клубки натопорщили забавные уши.

– Знакомьтесь. Икс и Игрек, любимцы Полины, новое поколение.

Гордеич подкидывал правнука в небо, ему не было дела до этих диковинок, он и не такого насмотрелся. Настоящее чудо, вот оно, опущенное на землю, сияющее серыми глазенками, довольно вцепившееся в вожделенный собачий хвост. Чудо прошло несколько нетвердых шагов, плюхнулось на землю, но не разревелось, а нахмурилось и начало вставать, но Жучка, наконец, учуяв родство крови с обожаемой хозяйкой начала вылизывать ему лицо, обрушив наземь. Брама бесцеремонно прервал общение видов, отобрав покрестника снова водворив на могучую шею. Погруженная в свои мысли Полина отошла к лесу, едва заметно шевеля губами, водя пальцами по траве, не иначе что-то вспоминая.

Заинтригованный загадкой Доктор опустил на корточки и начал похлопывать ладонью по земле, подзывая угловатого юного кена. Кен нерешительно теребил лапами, потом склонил голову набок:

– Половина лица покрыта мехом, половина голая – это он так от старости облез?

У Доктора распахнулся рот, он покраснел от возмущения, а потом рассмеялся вслед за всеми:

- Ах, сорванец! Гляди, не признает авторитетов. Правильно, так и надо. Слишком долго я был болотным, собачьим доктором, вообразил о себе невесть что, а это плохо. Спасибо, малыш.

Игрек вопросительно посмотрел на Ириса, тот снизал плачами и юный кен подойдя к Журбину лизнул руку.

- Ну, раз формальное знакомство состоялось, будем накрывать стол?

- Можно - кивнул Брама - остальные то скоро будут?

- Скоро - кивнул особист, оглядывая изменившийся хуторок - Семецкий на подходе и Призрак. Правда тот все низами ходит, так привычнее, сподручнее, что ли. Ну и Шухов иже с ними.

- А как Крипта и Шуня с Поньревым?

- Они заняты. Выворотники не спят, их все труднее обнаружить.

- А как чуешь, по ветру, что ли, как на Развязке у кошкиных царапок?

- Нет - улыбнулся особист прилетевшему с болот аисту - так как чуем мы, двенадцать.

- Ну да - как то поник путник - двенадцать...

Самум вопросительно взглянул на Журбина, но тот только вздохнул и махнул рукой, приглашая во двор.

На крыльце их ждал здоровенный котище, лакая молоко засунув голову прямо в глечик. Возмущенный Брама, видя как гибнут труды утреннего удоя цыкнул на нахала, но тот лишь облизал усы и сокрушенно спросил:

- Игрек, это, стало быть, и есть тот, один из двенадцати? Шибко он диковат.

Брама подобрал упавшую челюсть, Доктор застыл от неожиданности, а Гордеич вообще потерял дар речи.

- Что с них возьмешь, друг-Икс - люди! - ответил кен склонив голову набок - И этот такой же как все. Может запросто сказать незнакомому коту - брысь! Не терзаясь особыми вопросами, что гость сей зван, и так же имеет права быть угощен.

- Холера ясна, Полина - это что? - переводя взгляд с нахального кота на кеноида спросил ошалелый путник.

- Это Икс, второй из ее питомцев - прыснул смехом Ирис, созерцая вытянувшееся лицо путника.

- Развели тут, понимаешь! Куда не ткни разумный вид, причем у каждого последующего нахальства все больше!

- Нахальство не порок, а счастье - парировал кот, переворачивая порожнюю посудину.

Вступаясь за крестного, юный Верес цапнул говорливого кота, но тот стоически перенес этот неперемный ритуал.

- Полиночка, ну когда ты отучишь своего детеныша от хвостохватства? Произвол, причем форменный.

Полина, фыркнув, бесцеремонно отодвинула представителя баюна разумного и вошла на застекленную веранду:

- Не ранее, чем кто-то укротит свои дикие воровские инстинкты! У Браммы диета, понимаешь? Он сюда был послан на излечение и козье молоко это то, что доктор

прописал.

- Уж не этот ли? - Игрек опустил голову, высматривая Журбина - я его другим представлял. Выше что ли, умнее.

- А мне молвить можно, нет? - Гордеич сконфуженно кашлянул - я, конечно, понимаю разум и все такое, но гостям сидать надо, а все разговоры опосля. Только при соседях ни слова. У Одарки сердце слабое, вдруг случится с ней чего?

- Ах, что вы так нервны...

- Ирис - шепнул путник - умоляю, скажи, что ты не читал этому коту Булгакова, говорит он как то странно...

- Коту не читал. За Игрека не ручусь, это у Аргуса спрашивай, тоже как выдаст - сам диву даюсь.

Не смотря на пристроенную Брамой веранду, в доме царила все та же зеленая полутьма. Учувши мышей шерсть на Иксе встала дыбом, он тут же кинулся под кровать, подкинув ее спиной. Брама плотоядно ухмыльнулся:

- Ты, Барсик, пыхти-старайся, пыли там больше чем мышей. Не помню когда в последней полы мылись.

- За Барсика, миль пардон - прозвучал приглушенно чавкающий голос - а мыши тут тихие, непуганые!

Пока Брама поднимал массивный, выскобленный до сочного живого дерева стол, и разворачивался, принаравливаясь протолкнутая с ним в дверь, из-под древней пружинной кровати показалась кошачья морда с развесистой бахромой пыли на усах. Бахрому живописно дополняли несколько торчащих из пасти мышинных хвостов.

- Немного уважения и вы стремительно выросли в моих глазах.

– Не шнуруй под ногами, Барсик, или как там тебя, Эксик – пыхтел путник – а то придавлю в дверях как коту... хвост.

Эксик, по отчеству Барсикович, внявши увещеваниям, пулей выскочил во двор, догадываясь, что хотели прищемить.

– Тяжелый, зараза – перевел дух Брама, опуская дубовый стол посреди полянки, окинув зрелище.

Засучив рукава Полина расставляла снедь на длинной, вышитой крестиком скатерти. Красные голуби на выцветшем древнем льне целовались промеж тарелок с рассыпчатой молодой картошкой, калина развесила гроздь над досточкой с тонко нарезанными ломтиками сала, вышитых черным цифр было уже не разобрать, их скрывали сочные помидоры и зеленые пупырчатые огурцы. Здесь были все свои, потому и на столе все по-простому, без вычурности. Здесь были рады даже черствой краюхе, потому Самум потоптался в дверях глайдера и махнув рукой потащил ящик с продуктами в хату. Гордеич перехватил его у веранды и повел к освинцованному погребу. Брама улыбнулся. Возвратившись к столу, их будет слегка покачивать и выдаст густой винный дух. Полина, конечно же, закроет глаза и сделает вид, что ничего особого не произошло, потому что праздник, день памяти. Двенадцать, как они шутя себя называли, редко собирались вместе. После возвращения из Агарты появилось множество дел требующих иного уровня понимания и ответственности. Они редко собирались на хуторке у Гордеича, и было их уже не двенадцать. Звездочет ушел вместе с Листом за небо, куда-то неизмеримо далеко, намного дальше, нежели самые дальние звезды...

– Скажи-ка, Полинка – отвлекая внимание, спросил, закуривая Брама – если не ошибаюсь, у кенов Род, прайд?

– Ну да – кроша салат, сдула набежавшую прядь со лба та – а чего спрашиваешь? Знаешь не хуже меня.

– Знаю – кивнул путник, спешно туша сигарету о траву и усаживая подбежавшего покрестника на колени – вот у кенов Род, прайд, а у баюнов как? Кошара что ли?

Из-под стола раздалось обиженное ворчание.

- Кошара это у овец, у баранов в частности. У баюнов гнездо.

- Да ну? - вытаращил глаза Брама - это птицы такие? Представляю, как они орут по весне, а если уж нагадят сверху!

Ворчание усилилось, Полина содрогаясь от смеха все еще пыталась резать салат, а из-под стола выполз мрачный «птиц»:

- Вот он, человеческий шовинизм во всей его неприглядности! Ну, гнездо, ну поем, имеем право. Вам завидно?

- Просто представил тебя в гнезде высиживающим яйца. Раз гнездо, то яйца должны быть, вон как у них.

Баюн с кислой миной посмотрел на устроенное на колесе от телеги аистово гнездо.

- Обозначение питомник устроит? Питомник имени товарища Шумана.

- Даже так?

- Да - кивнула Полина, вытирая руки полотенцем и махнув шептавшимся на опушке Доктору с Ирисом - если для кенов кумир Доктор, то для баюнов - Шуман. Он их создатель. Началось все со спора времен разворачивания «Проекта». Журбин выбрал собак, Шуман кошек.

- Шуман не прогадал! - гордо возвестил Икс - сумел бы кен доставить его на «Альф»? Не смог, а вот мой папенька...

- Прохвост - констатировала Полина - попадись он мне. Всю шкуру спушу, несмотря на конвенцию разумных видов.

- Погодь, так ты что, отпрыск Барсика? Того самого что телепортировал Шумана прямо в стартующий звездолет?

– Говорил же, миль пардон вам, что величаете по отчеству. Вы резко поднялись в моих глазах.

– Так вот где я видел эту хитрую рожу, а то вспомнить не могу! Точно, капля в каплю Барсик, ешкин кот!

– О чем речь? – подошел рассматривая стол Журбин – вижу у вас тут дискуссия.

– Да вот вспоминаем прощальную шутку Шумана.

– Знатный фортель выкинул – присаживаясь, вздохнул он – кто мог знать. Едва прибыли на космодром, как он испарился вместе с котом. Прыгнул за «Альфой» прямо на орбиту. Улетел-таки, шельмец, к своим звездам и был прав. Мечты надо осуществлять и завершать, иначе это не мечты, а так, мелкие сиюминутные желания.

Заколыхались мясистые стебли крапивы, и, разя винным духом, от погреба потянулась нестройная процессия. Гордеич о чем-то спорил с Самумом, рубя рукой воздух, следом жмурился кошачьими глазами Призрак и Шухов, как всегда в черной, потертой броне. Не иначе как с далекого рейда по вероятностям Зоны.

– А вы как в погреб то попали? – спросил Брама, трепля Шухова по могучей спине – ведь только двое заходило.

– Местечко это давно пристреляно – ухмыльнулся тот – мы с Призраком не впервой там заправляемся.

– Деда, ты что, подпольную забегаловку устроил? – уперла руки в бока Полина – а ну, говори как на духу!

– Да я ить, это, ну... – отнекивался Гордеич, потихоньку пятясь за спину Самума.

От дальнейших разбирательств его спасло фурчание подъехавшей к воротам машины. Семяцкий выбрался из салона и приветственно махнул компании, потирая в предвкушении руки.

– Рад всех видеть в добром здравии! Полина, ты чего молнии мечешь? Ей право, на этот раз я ни при чем.

– Тебя никто и не винит. Пока не винит. А ну-ка, дыхни! – шагнула она, потянув носом воздух.

– Ну, слава Богу, а то чуть что, так кругом Семецкий виноват! – развел руками тот и на всякий случай дыхнул.

Присутствующие засмеялись и принялись за угощение. Благо, свежий воздух способствовал этому как нельзя лучше, и даже Верес уплетал за обе щеки, вызывая всеобщее умиление. Представителям прочих разумных рас, не мудрствуя лукаво, поставили тарелки прямо в траву. Представители не возражали, и на конвенцию разумных видов не ссылались. Лопали, временами, попеременно издавая то кошачье, то собачье урчание, пытаясь залезть в миски друг другу.

– 03 —

После обильного обеда гости разбрелись кто куда. Каждому было что вспомнить. Сославшись на занятость Семецкий вскоре уехал, лихо подняв машину на гравитяге в воздух. Несмотря на его приглашение, Полина с Гордеичем отправились на дальний хутор к Наталье пешком. Проводивши хозяев, Ирис скрылся в глайдере и вышел в старой, бережно хранимой броне лесников, закурил и кивнул расположившимся на веранде Бrame и особисту.

– Нам с Доктором надо проведать старую базу. Тут собачьими тропами всего ничего. Одна нога тут, другая там.

– К вечеру вернетесь? – поднял бровь путник.

– Вернемся – подпрыгивая на месте и прилаживая, чтобы не звенело, по привычке глянул на небо лесник.

– Может, автомат возьмешь? Так, на всякий случай. Вон, на стене висит без дела, а ему ведь без дела нельзя.

– Чудной ты, Брама, ей Богу! Он то и в Зоне не был мне особо нужен, а без Зоны и подавно.

Лесник свистнул кену и бесшумно растворился на опушке, не потревожив ни листика.

Брама проводил его завистливым взглядом, а особист откинулся на спинку и смотрел словно что-то, взвешивая.

– Запаршивел ты, братец. Совсем захирел. Вот что вы делали десять лет в Зоне, скажем, во время прорыва?

– Отжимались – скрипнул зубами Брама, понимая, разговор будет тяжелым – так чтобы падать без сил и не думать. Не думать ни о чем и верить! Верить, что все еще будет, что найдем свой путь домой. Не начинай, Самум! Все знаю, все что скажешь, знаю. Даже могу наперед рассказать.

– Ну-ну – особист кинул на стол начатую пачку «путних» и облокотился на соседний стул.

По обвитой виноградом веранде плыл кольцами дым, едва трепетал ветер, где-то за рекой слышался рев колхозного стада, а путник смотрел невидящим взглядом, все пытаясь найти нужные слова. Нужные прежде всего для него самого.

– Нельзя человеку без цели, без мечты. Мы десять лет искали пути, ложили головы в аномалиях, но чаще под пулями друг друга. Искали выход, оказалось, словно глупые дети в лесу – жмемся у костра, не видя куда более страшных чудовищ, чем те, которых рисовало воображение. Все знали о происходящем: ПРО, особисты, лесники вообще больше всех, одни мы игрались в войнушку. Играли, но оказались не нужны. Путь нам принесли на тарелочке. В готовом виде.

– Верно. Почти. Не будь вас на Арсенале, шпики давно бы наладили канал утечки артефактных материалов туда, за ныне присмиривший рубеж. Возможно, сейчас у них было бы оружие страшнее атомного. Безвесть, например.

Брама вздрогнул и резко смял окурок в пепельнице.

– Человечество не готово ни к таким возможностям, ни к таким противникам, ни, самое страшное, ответственности.

– А к чему оно вообще готово?

– Не было оно готово к нам, Самум. Вернулись мы назад, будто и не случилось ничего. Будто не было Зоны. Вспомни, какими мы вышли из Агарты – окрыленные огнем, горящие идеями изменить мир. А оказалось они никому и не нужны. Не нужны и все тут. Нет, энергетические преобразователи, тягу эту самую, гравитонную, синтезатор белка – все приняли... как должное. Будто за какие-то заслуги. И тут же забыли.

– Ты хотел почестей, торжественного марша на красной площади? – фыркнул особист – люди вообще, мало что ценят и мало что понимают. Живут, в своем большинстве, ни о чем особо не задумываясь.

– Нет, не почестей. Самую малость – чтобы помнили. Помнили хотя бы тех, кто не вернулся и ценой чьих жизней им досталось и нынешнее мирное небо, и нормальное человеческое существование.

Самум посмотрел так, будто его видел впервые. Впрочем, это было и не так уж далеко от истины. Настоящего Брамму вообще мало кто видел и мало кто знал.

– Недооценил я тебя, недопонял – он виновато отвел глаза, изучая медовую виноградную кисть – может мировую, а?

Наклонившись под стол особист достал вместительную, темного стекла бутылку.

Брама едва заметно улыбнулся:

– Стоило ли? Ведь нам ничего не стоит махнуть рукой и сотворить его хоть из воздуха.

На этот раз особист взгляд не отвел, а смотрел прямо в глаза, читая глубоко затаенную боль.

– Как раз для того чтобы помнить. Помнить, что мы, прежде всего люди, не боги-божки, не операторы – люди.

– Ну, раз так – крякнул довольно путник, пробуя бутылку на вес – давай вспомним. Ух, ты! У нас такого не делают.

– Верно – подметил Самум, протягивая ему две пол литровые банки вместо кружек – у нас нет, не варят.

– Уж не хочешь ли ты сказать – осекся путник, принявшись изучать этикетку – что это из-за неба?

– Подарок старому другу. Думал, забыли, что у тебя день рождения? Наливай смелее, в глайдере его много.

Брама быстро разлил по банкам отдающую медом жидкость и прижмурившись от удовольствия выпил.

– Уххх... хорошо же пошло. Господи. Сто лет прошло, а марка все та же. Все-то ты помнишь. Ай да подарок!

– Ну так профессия обязывает – потеребил памятную надпись «КГБ» на груди особист – это, кстати, новое.

– Угу – согласился путник – быстро разлив остатки по банкам и посмотрел в сторону глайдера.

Особист ухмыльнулся, зев глайдера распахнулся и к веранде, глухо звеня, покатился бочонок из нержавеющей стали.

– Мощно идет – констатировал путник, наблюдая как увесистый бочонок, подминая стебли щирцы вкатился на порог и застыл возле стола, светя гербом древнего Львова – рыбы бы еще, знаешь, таранчики! А?

– Уж не ты ли ратовал за то, что мы не должны применять данного нам все? Обойдемся.

– Вот тут и проблема, не спутать где твое, а где наше. Эй, Эксик, пива тяпнешь с нами?

Разомлевший от солнца Икс, переименованный Брамой на более привычное Экс, лишь отмахнулся хвостом.

– Правильно, нам больше достанется – Брама осторожно открыл бочонок и почесал голову – а наливать как? Он же тяжеленный, зараза. А ежели его начать левитировать, как гоголевский Пацюк вареники?

– Люди не поймут – предположил Самум, снимая кожанку и красуясь красной футболкой с гербом и принадлежностью.

– Не успеешь отойти, они уже соображают, а надо минимум на троих! Неправильно это!

Шухов с возмущением протиснулся в дверь, а Призрак при виде технологической проблемы наливания размазался в воздухе, и вскоре вернулся с гибким резиновым шлангом. Опустив один конец в бочку и втянув воздух, как это делают водители сливая из бака бензин, быстро наполнил найденную на подоконнике нехитрую тару. Шухов торжественно бросил на стол вязку нанизанной на леску сушеной рыбы и, закурив, развалился на стуле.

– Вот так вот, мужики, и не надо никаких фокусов. Зачем усложнять, если проще взять и сделать?

– Изобретаем велосипед там, где надо руками! – рассмеялся Брама, чувствуя, как ослабевает сковавшее душу оцепенение – Шухов, скажи, как ты умудряешься оставаться человеком, ведь не совсем уже...

– Не важно, при каких условиях ты стал другим – облокотился черный сталкер – важно, что станешь делать. Если вообще станешь, пока раскрывшаяся бездна иных горизонтов не засосет, забирая человечность. Это сваливается как снег на голову, нежданно-негаданно, не за какие-то особые заслуги или добродетели. Просто случается и все тут. И пока приходишь в себя, огорошенный свершившимся – ты уже другой. Не лучше и не хуже, просто другой. Знаешь что самое тяжелое?

– Ну? – путник опустил глаза, изучая тающую в банке пенную корону.

– После пробуждения Постулата меня засосало в Горловину. Ту самую, в которой лесники едва не собрали костей. Пока я очухался, оклемался, продираясь сквозь дебри мироздания, понял – жить с этим куда труднее, чем выживать! Когда выживаешь, рвешь все жилы – перешагиваешь через себя, а когда просто живешь – можешь перешагнуть и через других.

– Вот им куда легче – кивнул особист на развалившегося баюна – Икс и Игрек: две хромосомы, новый виток спирали разума. Они не задаются подобными вопросами, память у них генетически-наследственная. Заметил?

– Трудно не заметить, выдал тираду, как булгаковский кот Бегемот. И наглость такая же. Только они тут причем?

– Наглость дело молодое – доливая пива, заметил Шухов – и особо она не причем. Только им все достается даром, без усилий. Знания предыдущего поколения усваивается как свое, передаваясь генетическим путем. Знания, но не опыт. Этот балбес может умничать чужими словами, важничать и пыжится, замурлыкивая голову не хуже неговорящего папеньки, но в Зоне, где нужен опыт, а не чужие слова, он не прожил бы пяти минут. Первый попавшийся шпик засадил бы в его пушистый зад хороший заряд дроби и всех делов.

– Протестую – открыл один глаз Икс – это недоказуемо...

– Тебя не учили, что перебивать других нехорошо, нет? – сверкнул глазами Шухов – Посему закрой рот или я тебе его закрою. На генетическом уровне до седьмого колена.

Баюн испуганно затих.

– Ну, зачем уж так строго, до седьмого? – вступился Самум, чеша его за ушами – он еще маленький.

– Именно маленький – согласился Шухов – количество знаний, это не качество опыта, Эксик. Заруби себе на хвосте.

Баюн кивнул, прикидывая как быстрее драпануть.

– Раз усек, то не трясись, а лопай тараньку. Лопай, она вяленая, и запоминай на будущее. Количество непрожитых своей шкуркой знаний часто обострено выпендречничеством, за которое можно получить от жизни по ушам. Вот скажите, зачем Ирис потащил с собой на Глушь новое поколение кенов, Игрека, а?

– Не знаю – ответил путник, протягивая Призраку пустую банку – пройтись местами боевой славы, кости размять.

– Ну да, а то я Ириса не знаю. Натаскивать! В полевых условиях, максимально приближенных к боевым.

– Погоди, какие боевые, если все аномалии давно исчезли и особисты даже людей впустили внутрь Периметра?

– Как исчезли, так и появятся. В локальном пространстве Глуши, не затрагивая остального – хмыкнул Призрак – а чего ты думаешь Доктор с ними пошел? Во-во. Хлебнет Игрек опыта по самое не балуйся, зато он будет свой, прожитой. Каждую аномалию на нюх чуют будет, не то что выворотника в аэропорту.

– Эксик – обратился к уплетающему промеж дымящих пепельниц баюну Шухов – ты как, не против с Игреком на полигоне меж аномалий попрыгать? Очень, знаешь, способствует. Такой же жилистый и поджарый станешь.

– Лучше я буду жирный, зато целый. Пусть он прыгает, если ему надо. Каждому свое – мне мыши, ему выворотники.

Компания заржала, потом Брама насупился и доверительно наклонился к особисту:

– А что с выворотниками? Ловят?

– Ловят. Без подпитки Зоны они лишились сверхъестественных сил, но пакостят конкретно. Зарубеж сначала ломанулись. Знаешь, скольких выловили и развеяли в прах? Со счета собьешься. А они, сукины дети, если их припереть к стенке, норвят рассыпаться в пепел непременно на людях, чтобы, значит, страху побольше нагнать.

– И что? – падкий на диковинки путник на миг протрезвел – нагоняют?

– Как бы ни так – рассмеялся Самум – мы у Голливуда специально закупили фильмов про вампиров и крутим. Сказка вроде, но люди верят. Даже страшная сказка сказкой и остается, зато есть вполне логичное объяснение.

– Так чего они зарубеж драпают? – поднял глаза навеселе Брама – сниматься в главных ролях?

– Ох, и дремучий же ты! Выворотники только и ждут, чтобы насолить. Вот и рвут к идеологическому противнику, желая уничтожить нас нашими же руками. И пока мы играемся в войнушки, у них есть все шансы. Они не имеют больше своих сил, но ведь знания и технологии никуда не делись.

– И как ловите?

– По-разному. В аэропортах, вокзалах, КПП и так далее. Кена ведь не отличишь от обычной собаки, а вот он тебя запросто.

– Ловко – признался Брама – только к нам это каким боком? Шухов? Шухов не спи...

– На чем я остановился? – встrepенулcя Шухов, поднимая тяжелую голову – На людях? Людям приходится начинать с нуля. Идти нехоженными тропами, ступать, где еще никто не ходил, изменяться и подстраиваться. Быть второй половиной ситуации, чтобы эволюционировать. Особенно в морально-этическом плане, иначе тупик.

- Шухов, ты доливай-доливай, и еще: как думаешь, морально-этически беседовать о высоких материях под мухой?

- Брама - поднял осоловевшие глаза Шухов - а мы кто, по-твоему?

Путник запнулся, выпустил к потолку струя дыма и сбиваясь, пролепетал:

- Ну, люди.

- Люди под мухой всегда о высоких материях начинают - подтвердил Призрак наполняя тару - для трезвого сознания это слишком сложный вопрос. Они предпочитают не думать о том, что выходит за уровень обычного понимания.

- Как-то странно у тебя выходит, братец - пыхнул особист - ты то отождествляешь себя с людьми, то нет. Определись.

- Да что определять? Биологически все мы исходно сапиенсы. А вот психологически труднее. Хотим мы того или нет, но внутри Зоны мы изменились, и восприятие у нас теперь иное, обостренное, углубленно-сдвинутое.

- Точно - хихикнул Брама - сдвинутое.

- Да нет, не туда сдвинутое. Раскрытое сознание имеет более глубокий уровень понимания. Смотрит на мир, на мироздание другими глазами, воспринимает много больше чем обычный...людь.

- Так это расизм чистой воды - кивнул Самум - лучше выше, чище, умнее, да? Кажется, это уже было.

- Нет - отрезал Призрак, жмуря глаза - не выше, не чище и не лучше. Просто иначе. Иное восприятие и иной подход. Знаешь, чем наш пьяный треп отличается от подобного трепа остальных людей?

- Ну? - Брама отхлебнул из банки, вытер пену и вопросительно уставился на упыря.

– А тем, что мы не просто треплемся об этих вещах, а воплощаем это в жизнь. Иной, сдвинутый, уровень сознания это никакая не привилегия, не избранность, а рабочий инструмент. Так уж вышло, что при синхронизации наш уровень достиг планетарного значения, посему мы ставим и решаем глобальные задачи.

– У меня такое впечатление, что я или перепил, или говорю с одним и тем же человеком в разных лицах.

– Так и есть – бросил Шухов, почесывая баюна за ухом – мы мыслим в едином поле сознания: общие критерии, общие цели и принципы. Разница в отношении к задачам, в методах и целесообразности их применения.

– Как можно что-либо изменить, если люди сами этого не хотят, вообще не видят смысла менять? Вот убрал ты, Самум, ядерное оружие, и что, много от этого изменилось?

– Мало – зло смял окурок в пепельнице особист – разве что перестали бояться атомной войны. Вместо него успешно клепают друг друга высокоточным оружием. И что, каждый раз забирать эти игрушки? Ну, заберем, так на средневековье сойдут, мечи наточат и ну горла резать, но не изменятся ничуть.

– Теперь понял – кивнул путник – имеем ли мы право решать за всех? Остаться в стороне и отрешенно, как боги, наблюдать чем все это кончится, или вмешается и подтолкнут в человечество правильном, на наш взгляд, направлении?

Присутствующие потупили глаза. А что говорить, если и так все ясно.

В бурьянах выдавали трели сверчки, потянуло влагой, уставшее за день солнце кануло за лес. Собравшиеся молча пили пиво, не нарушая гармонию тишины, потом Брама севшим голосом едва слышно спросил:

– И где грань? У каждого своя мера и силы и совести...

– Это просто – повернул убеленное лунным сиянием лицо Призрак – сначала смотришь, перешагнул ли ты через себя.

– Всего-навсего?

– Сказать легче, чем сделать, а советовать проще, чем помочь. Со временем научишься. Сила дается для свершений, а не для разговоров. Пока ты держишь ее в себе, ломая голову, имеешь, или не имеешь право ее применять – она сжигает тебя изнутри. Сжигает, потому что должна светить и греть всем, а не прятаться на черный день для себя.

На фоне окна мелькнула тень, и на пороге появился Ирис. Ему без слов налили пол литровку, он благодарно кивнул, не отрываясь выпил и убрав пепельницу сел на древетень. Тело ломило от усталости, но глаза сияли восторженным задором.

– Славно побегали, как в старые времена. Жаль, зверья нет, для полного счастья.

Журбин отряхивая с плаща пыль сел на скрипящий табурет, от пива не отказался и лишь посмеивался, глядя как юный Игрек волочит лапы. Баюн уже давно перебрался из накуренной веранды, восседая на столбе фарфоровой статуэткой поджидая друга. Компания уловила их быструю мыслеречь, сводившейся к вполне понятной фразе – не грузи и так хреново. Все засмеялись, особенно Брама, повеселевший и бодрый. Грусть убралась восвояси, ибо, что может быть лучше старых друзей и доброго бочонка пива?

– Ну, как пациент? – насупил брови Доктор – готов?

– Дык, два раза был готов – икнул Призрак, невпопад жмуря зрачки – оба раза водой отливали. Как огурчик!

– Ну да, знатно посидели, но я не про это. О понимании природы свехвозможностей – он покусал бороду – сила не дается раньше ответственности, а ответственность раньше рассудительности. Тут Брама в чем-то даже прав – лучше не применять, убоявшись следствий, нежели применить, не думая о них вообще. Но если всего боятся, то лучше и не жить.

Путник задумчиво теребил волосы, а компания молчаливо поддерживала взглядами: Доктор испытующе, Самум с насмешливой иронией, Ирис и Призрак с понимаем, ну а Шухов, Шухов спал, склонив голову на руку. Он был мудрее и знал: решение, каким бы оно ни было, еще не действие, а мысли и сомнения будут всегда.

Наутро Полина отпаивала их рассолом, а они подшучивали над серыми, помятыми, до дури счастливыми лицами друг друга. Напряженность прошла вместе с запахами летней ночи, хором лягушек и песнями соловья. Брама собрался быстро, сбросил истоптанные сапоги Гордеича, хрустнул вытянутой из шкафа хамелеоновой броней и направился сквозь седой от росы спорыш к глайдеру. На серебристом боку собрались бисеринки влаги, воздух едва слышно пел, и не был бы Брама Брамой, если б не провел рукой под висящим в полуметре над землей аппаратом. Ничего не произошло, рука свободно проходила сквозь воздух, ни был он ни сгущенным, ни сжатым, а мягко пах травой. Вдалеке закачались высокие стебли, это новые витки разума, Экс и Игрек, играли в догонялки. Ирис с Доктором ушли чуть свет, оставив их на попечение Полины. Брама так и не смог назвать баюна Иксом, но тому было начхать, он мирно дрых на его богатырской груди до самого утра. Самум вышел из глайдера, потянулся и кивнул подходящим Шухову и Призраку:

– Ну что, мужики, давайте прощаться, что ли?

– Вы разве не с нами? – Брама вопросительно глянул на серого с перепоею Призрака.

– Нет, в Зоне тоже дел хватает, больше чем хотелось бы. Лабиринт разгрести и разгрести. Едва ли треть обследовали и обезопасили. Эхо «Проекта» просто так не проходит.

– А, я то думаю, чего Митоса не было. А ты?

– Ну что я? – пожал плечами черный сталкер – у меня дел не меньше. У Зоны этих вероятностей знаешь...

Обычно брющащий Гордеич подошел к Бrame, неожиданно обнял и трижды поцеловал:

– Ты возвращайся, сынок, если что. В жизни оно всяко бывает. Прости, если что не так.

– Да ну вас всех! Устроили, понимаешь, поминки. Будет тебе кручинится, еще нас переживешь. Митричу поклон.

Призрак с Шуховым прощально кивнули и словно растворились. Были и не стало. Что с них взять, на то они и хранители Зоны, такие фокусы выкидывать. Гордеич снял засаленный картуз и махал вслед поднимающемуся глайдеру.

Только теперь Брама смог как следует рассмотреть обстановку внутри. Было просторно и светло. Силовые установки, преобразующие гравитационную энергию в кинетическую, находились под полом. Большая часть крыши и стен корпуса была полупрозрачна, несомненно, иридиевое напыление, но не закруглена как у самолета, а пряма. Инерции и ожидаемого ускорения не чувствовалось: тонко настроенные компенсаторы полностью гасили побочные эффекты. Глайдер поднимался стремительно и бесшумно, земля быстро уходила вниз, опутываясь саваном туч. Брама плюхнулся в кресло рядом с насвистывающим особистом и посмотрел на пульт. Весело перемигивались огоньки сенсорных панелей, руль удобный и продуманный был схож с рулем истребителя, только не было пусковых кнопок ракет.

– Это безопасно, нет – опасно покосился на снежную пелену туч путник – вдруг откажет?

– Не откажет – отмахнулся Самум – гравитонная технология проста и надежна как калашников. Настолько проста, что удивляешься, как мы раньше до этого не додумались.

– Если как калашников, тогда надежно, спору нет. Ученые они больно умные, чтобы думать простыми концепциями.

Особист выписал в воздухе мертвую петлю, а Брама, вжимаясь в кресло, с тревогой взглянул в пассажирский отсек, где на диване расположилась Полина с Вересом. Верес листал книжку с яркими рисунками, не обращая на полет вверх ногами никакого внимания. Спустя мгновение путник понял, что так же твердо стоит на земле, а верх там где и полагается, вверху.

- Е-мае, предупреждать надо! Что это было?

- Искусственная гравитация. Пол тут абсолютный, даже если лететь относительно тверди вверх тормашками.

- Фига се... ну чудеса... и что, кровь как надо циркулирует, без перегрузок?

- Взгляни сюда - постучал ногтем по голографическому дисплею Самум - мы давно уже на запредельной скорости.

Брама взглянул и побледнел.

- А если врежемся? При такой скорости реву от нас больше, чем от эскадрильи истребителей!

- Никаких аварий. Инерциатор моментально обнуляет скорость, телеметрия многократно дублирована. Что до рева, то глайдер капсулируется в им же выпускаемом гравитонном поле, потому никаких искажений в атмосфере. Нас как бы нет относительно внешнего пространства, понимаешь?

- Не понимаю - мотнул головой путник - но даже ради одного этого стоило ходить в Зону.

- Ты сначала выйди из нее, Брама - вмешалась Полина - а то боишься даже нос показать наружу. Жизнь изменилась, и слава Богу, в лучшую сторону. При нашем прямом участии. И никто из нас не стоял в стороне, горюя о прошлом, а делал что мог. То, что получается лучше всего. Вот этот глайдер всего лишь уменьшенный прототип планетарного катера «Альфы». Разработан в КБ имени Шумана.

- Там существует не только кошатник, но и КБ?

- Не ерничай, все ты понял. Да, он существует благодаря работам Шумана, благодаря всем нам. Благодаря тебе.

- Все, все - поднял он руки вверх - не могу я с тобой спорить. У тебя язык острее моего.

Глайдер пошел вертикально вниз, но абсолютный пол оставался полом, было такое ощущение, что они недвижимы, а скользит, несется с невообразимой скоростью само пространство. Блеснуло зеркало водохранилища, глайдер мягко завис над старыми бетонными плитами. Распахнув дверь Брама шагнул вниз, обвел глазами пейзаж и застыл.

- Пора простится с прошлым - тронула его за плечо Полина - иначе оно не отпустит тебя.

- Отпусти - вторил Самум - прошлое останется в прошлом.

Налетевший ветер бросил бетонную крошку заслезив глаза, а может это и были слезы. Путник опустился на подернутый ржавчиной бетон, невидящим взором блуждая по знакомой картине и неосознанно, заученным за долгие годы рефлексом сверил показания датчика - «норма». Слезы катились по лицу, а он не отрываясь смотрел на полосатую трубу АЭС, на развороченный, разодранный титанической силой энергоблок. На изувеченные, искалеченные судьбы.

- Это только муляж, память. Слепок человеческой памяти. Памятник глупости, памятник жертвам. Памятник павшим и не вернувшимся, там больше ничего нет. Внутри гравитационные преобразователи, все давно очищено, обеззаражено.

- Отпусти, путник. Перед тобою новые пути, новые обретения. Это не твоя могила, это начало нового витка.

Брама встал и, шатаясь, направился к разинутым воротам саркофага. Колкий ветер шевелил волосы, но в нем не было больше отравы. Он шел к саркофагу, словно чувствуя, как в холодных мертвых стенах бьется его сожженное, погребенное под радиоактивным пеплом сердце. Здесь все было как и раньше: ветер, метущий обрывки газет, мертвые немые провалы окон, груды искореженных бетонных плит с нелепо торчащей бахромой арматуры. Все до боли знакомо. Того и гляди, лупанут очередями приспешники постулата, появляясь словно из ниоткуда. Такое не забудешь, какими только тропами не водили их Припяти пути в поисках дороги к дому. Но было тихо, лишь ветер трепал пожелтевшие страницы памяти. Этими путями он мог ходить с завязанными глазами даже спустя годы. Вон плита с надписью «АЭС им В. И. Ленина» вкривь и вкось исчербленная очередями и два пятна, которых не затянуть даже времени. Брыла и Лебедь: все что осталось от побратимов после

вспышки «нирваны». Вот горбатый, опрокинутый на бок бульдозер с оборванной лопатой, и худощавый, прозрачно бледный Стебель, срубленный снайперской пулей, изумленно всматривающийся застывшими глазами в небо. Постулатовцы дорого заплатили, отхлынув ржавой волной через ворота к охладителям. А это... этого он не помнил, хотя тот день намертво врезался в память, как и роковое шествие через «облачный мост».

По обе стороны ворот высился гигантский монумент. В темном граните навек застыли, повернув встревоженные лица и указывая в сторону саркофага пожарник, военный и врач, пытаюсь защитить, заслонить собой стоящих позади ликвидаторов от неотвратимой, неминуемой беды. Звезда Полюнь уже взошла, волоча святящийся хвост. Ее бледный отблеск плясал на лицах, а они смотрели на разрушенный энергоблок, пытаюсь успеть отвратить незримую гибель. Подножье венчала дата аварии и тисненая золотом надпись. «Шагнувшим в бессмертие, от живых, вечным». Едва Брама стал на плиты, как из-под ног, уходя в небо, вырвалось полотно призрачного света. Перед взором проступили лица, имена, судьбы. Он сглотнул тяжелый ком и едва нашел силы посмотреть направо, на другую сторону дороги, где путник и лесник тянули друг другу руки, в последнем порыве взбугренных мышц пытаюсь соединить пролегшую меж ними пропасть. В горящих решительностью лицах проступало отчаяние, руки не прикасались, не дотягивались на самую малость. Снизу, из едва различимого зрителем мрака, к ним тянулась третья, закованная в сталь экзоскелета, замыкая бездну и сияя соцветием восстановленного атома. Брама вглядывался в лица тянувшихся Маркова и Кречета, навечно оставшихся молодыми Стебля, Брылу и Лебеда, со стыдом и горечью пытался вспомнить застывшие в черном граните лица лесников. В руку лег поданный Полиной букет, он сделал последний, нетвердый шаг, бережно уложив на подножье полыхнувшие огнем гвоздики.

– «Шагнувшим в бессмертие, от живых, вечным...» – кивнул Брама – лучшего не придумаешь, не скажешь.

– Им большего и не надо – обронил Самум – главное, чтобы помнили. Помнили: не боги остановили разнуждающую стихию, а они, самые обычные люди. Мало кто видит в их «соцветии» больше, нежели укрошенный мирный атом.

– Потому что мало кто знает – согласилась Полина, прижимаясь к путнику – авария на ЧАЭС это только поверхность. Людям не дано знать больше. Меньше знают, крепче спят.

- На что же нам, людям, тогда надеяться - развел руками путник - не ждать же новых монументов памяти как этот?

- Только на взросление, Брама - устало кивнула та, смахивая слезы - однажды они повзрослеют. А до этого нам нужно ждать, опекать, если нужно. Столетие за столетием, как мать опекает малое, неразумное дитя.

- Столетие за столетием? - прошептал пораженно путник, вытирая ей слезы широкой ладонью - это что же, мы вечны?

- Вполне возможно - кивнул особист, и помолчав добавил - у вечности свои законы. Ты нам нужен. Всем нам. Им.

- Да - покивал Брама - главное для человека нужность, быть нужным. Если ты никому не нужен, то себе и подавно. Так что же теперь? Вечность? Бессмертие? Раз так, то у него и задачи быть под стать. Не вечно же мне козам хвосты крутить.

- Хвосты крутят свиньям, или быкам - улыбнулась сквозь слезы Полина - но тебе и козий подойдет.

Брама низко, до земли поклонился монументу, внезапно подхватил обоих на руки и закружил, задорно и глубоко смеясь.

- Ну и здоров же ты - распрямляя одежду, пробурчал одобрительно особист - и где только сила берется?

- От мамы с папой, у нас в роду все такие. Казацкому роду нема переводу. Вот и сестра такая.

- А я думал ты бандеровец, ну оттуда. С западной Украины. Вакарчук вот земляк, тот, что Океан Эльзы.

- Не трогай его - пнула особиста Полина - не провоцируй. Думаешь, не знаю что у тебя на уме? В вероятники сманить хочешь? Тоже мне, прогрессоры-благодетели. Дети великовозрастные! Прежде чем другим вероятностям счастье внедрять, для начала в своем порядок наведите. Можно подумать, у нас все

идеально. Не дам: пусть сам выбирает, да и с родственниками пусть пообщается, а то забился в Зону и три года как мышь под веником сидел, пока мы мир улучшали. Согласно коммунистическим заветам и принципам эволюции общества.

Брама весело насвистывал, радуясь про себя, что постулатовцев здесь днем с огнем не сыщешь. Прикидывал возможные огневые точки, слабые места в обороне, а потом расслабился, делая вид, что такие прогулки под саркофагом для него плевое дело и немедля встрял в разговор.

- Какие такие прогрессоры?

- Не делай вид что ты тупее паровоза, плохо получается. Сам знаешь, что обозначает. После Агарты, не ломая голову мы одолжили это обозначение у Стругацких. Вот как с кенами: кто-то из лесников их назвал, так прилепилось, не оторвешь.

Самум отмахнулся от прыгающих Игрека и Икса, которым в их отсутствие велели приглядывать за Вересом младшим:

- Увидев живого кеноида воочию те дали авторское разрешение. Не ждали скорого свершения своих идей, еще при жизни. Вот как вышло: прыжком из пост перестроечной разваленной разворованной страны, да в космическое состояние.

- Слушай, партия, дай порулить, а? - потирая рукой пульт взмолился Брама - сто лет мечтал на такой штуке полетать.

- Ладно - милостиво согласился особист и взглянул на Полину - у нас в талоне много не пробитого места осталось?

Северова, чеша разомлевшего от удовольствия Икса за ушами, оценивающе посмотрела на путника, и кивнула:

- Небесного гаи еще нет, но загубленного прототипа я тебе не прощу. Пусть рулит, быстрее привыкнет к новому миру.

Брама просиял, плюхнулся в анатомическое кресло и деловито положил руки на руль:

- Ну, где тут зажигание, чего тыкать?

- Тыкать будешь на гражданке, а здесь достаточно слегка потянуть руль.

Путник немедля потянул на себя и глайдер стрелой взвился в воздух. Компенсаторы действовали исправно, будь иначе, им бы точно не собрать костей. Верес радостно захлопал, а особист стремительно выбил на пульте трель команд.

- Тпру!

- Что тпру, повозка, что ли? – выделявая в воздухе вираж, отмахивался путник от насевшего друга.

- Да рулишь словно телегой! Тише давай, иначе ей Богу звезданемся!

Брама пустил руль, мир перестал вертеться, солнце заглянуло в правый иллюминатор, а Верес вернулся к свои книжкам.

- Ты же говорил все дублировано и надежно? – разочаровано протянул путник.

- Для нас надежно, но не для летящих на встречу самолетов. При такой скорости у них ни единого шанса.

Брама, наконец, заметил на радаре приближающиеся метки, побледнел, и вздохнул вслед за особистом.

- Вот потому-то глайдеры существуют в нескольких экземплярах. Когда установим аналогичную телеметрию и айнеры на всех воздушных судах, тогда можешь резвиться, да и то, в определенных рамках. ОМОН, от лихачей в небе, тоже поставим.

- Айнер? Впервые слышу о такой штуковине. Полина, не просветишь отставшего от времени путника?

– Обнулятор скорости, антиинерциатор – бросила она из пассажирского отсека – уравнивает перегрузки внутри.

– Вона как, хорошо придумали. Давай еще раз, Самум? Обещаю помаленьку и нызэнько.

– И чего я такой добрый? Хорошо – особист активизировал точку на голографической карте – курс Киев, НИИ им. Шумана.

– Есть капитан! – отсалютовал Брама – а чего этот ваш НИИ расположен в Киеве, а не Москве, к примеру?

– К пустой голове руку не прикладывают, балда, чай не в Америке. А НИИ удобнее располагать ближе к Зоне.

На этот раз Брама отнесся к пилотированию серьезно, сообразив, что глайдер прошьет любой аппарат на вылет, не спеша двигался по проложенным автопилотом воздушным коридорам, радуясь ощущению полета и свободы. Самум облегченно вздохнул, и, в знак признания ответственности великовозрастного дитяти, отошел в пассажирский отсек к Полине. Вересу наскучило общение с другими разумными видами в виде Икса и Игрека, он забрался особисту на руки, и принялся прыгать, отвлекая от разговора. Разговор у них, видимо, был серьезный. Путник краем глаза ловил выражения лица Полины, которая сохранив девичью фамилию Северова и после замужества, подтверждала ее всем своим видом. Доводы особиста она отметала с непреклонной суровостью, настаивая – Брама сам должен выбрать, на каком поприще работать и применять свои силы, а не склоняться в этом к решению старших товарищей.

Вообще, странная выходила штука. После эволюции в новое качество они перестали мотивировать весомость своих аргументов, ссылаясь на биологический возраст. Биологическое время, похоже, потеряло над ними власть. В этом Брама мог убедиться еще на хуторке, обнаружив странные симптомы. Начавшая пробиваться ранняя седина ушла, суставы и былые раны, ноющие на погоду, перестали тревожить. Несколько дырявых, почерневших зубов заросли сами собой, без всякой видимой причины. Чувствовал он себя превосходно, если бы не донимающая тоска, которой они были подвержены также как и все остальные люди. На сердце было свободно и легко, тяжесть

прошлого отброшена в сторону, он смотрел в будущее со свойственным ему оптимизмом. Будущее было неизменно светлым, великим, исполненным радости новых открытий и свершений. В плохое верить не хотелось, его предостаточно и в прошлом, чтобы тащить в будущее. Освободившись от течения времени старость странным образом отошла в далекую перспективу, сменившись состоянием былой юности, о которой оставалось только вспоминать с ностальгической улыбкой. Ум снова был быстр и подвижен, память обострилась, воспроизводя любой запечатленный момент с поразительной точностью и глубиной. Казалось, все его естество наполнилась новой сутью, ему же оставалось разобраться с целями. Задач у двенадцати, хотя нет, Звездочета, Каймана и Шумана, давно не было на Земле, задач у девяти представителей нового витка было предостаточно. Произшедшие благодаря Зоне эволютивное ускорение во многом касалось технологий, новых материалов и знаний, изменив сознание общества лишь частично. Ее появление, разительно совпавшее с путчем девяносто первого года и исчезновением Севастополя, привело к мощному всплеску, консолидировав общество и породив яркое антизападное настроение. Что с измененной, обновленной политикой правительства дало первые, несмелые плоды.

Странным образом получалось так, что все доводы Самума, несомненно, умные и правильные разбивались о мудрость и проницательность Полины, обретенную многочисленными синхронизациями, впитавшими опыт множества вариантов. Глубина синхронизаций стала новой мерой, однако, не скатываясь в крайности. Скажем, Верес старший, все это Брама услышал за время неспешного полета к НИИ, синхронизировал всего несколько раз, при этом его уму и изворотливости в дипломатических моментах, умноженной на чисто врожденную въедливость и дотошность, мог позавидовать любой из них. Поэтому Самум с огромнейшим удовольствием взваливал на него все переговоры с мировым сообществом относительно Зоны и ее ресурсов. Формально Верес работал в НИИ имени Шумана, занимавшейся проблемами и изучением Зоны, однако на деле обязанностей у него, как у любого из девяти, было куда больше. Он не зря был назначен главой. Характер у него вредный, а подход чиновников на местах во многом еще бюрократический, вот и использовал свой талант по назначению.

– И когда здесь успели высоток натекать? – возмущился Брама, бросая глайдер в сторону – не пройти, не пролететь!

– Пока на хуторе в спячке лапу сосал! – фыркнул особист – не только Киев, все реконструируется. «Хрусталь» помнишь?

– Естественно – скопил глаза путник, любясь блеснувшим изгибом Днепра – не такой уж и редкий арт, из него что ли все?

– Его теперь в строительстве применяют. В новых домах «папоротник», а старые обрабатывают «хрустальной» эмульсией, для которой-то всего и надо, арта со спичечную головку да воды побольше. Творит он что-то с молекулярной решеткой, в бетон и кирпич словно вырастают алмазные корни, переплетаются и живут. Этаким симбионт. Разумный он или нет, это к ней, она больше расскажет. Зато старые панельки и кирпичные хрущевки стали монолитно-нерушимыми, зарастив щели и ляпы строителей, для которых, как известно, кривизна в метр не брак. Жилищное министерство в восторге, люди и подавно.

– Красотища! – протянул восхищенно Брама – город играет под солнцем как снежное покрывало, только глаз не режет.

– Главное, режет наблюдения спутников – подмигнул Самум – такого подарка военцы, разъяренные исчезновением ядерного щита, точно не ожидали. Правда, бесились, пока не получили разведанные что ни ядерного, ни прочего оружия массового поражения теперь нет ни у кого, и вряд ли будет. Зато у нас есть «сияние». Хоть что-то из «Проекта» на пользу.

– Ребята, закругляйтесь, наши корпуса пошли. Брама, если не трудно, паркуйся вон у того ангара, только мягко.

Тот соорил суровую мину, осторожно пройдя над шпилем НИИ миновал парковую полосу и мягко, едва ощутимо притронулся к бетонному кольцу расположенному возле гаражей. Полина сгребла Вереса в охапку и сопровождаемая своим зверинцем пошла через парк, время от времени останавливаясь у клумб с цветами. Самум взглянул на путника, который насторожено смотрел на НИИ и подбодрил:

- Да не горюй, еще летаем. Глайдер закреплен за НИИ, обкатку делаем. А ты думал, он в личное пользование?

- Может и думал, а может и нет. Ты никогда не говоришь всего.

- За использование личного положения сейчас спрашивают очень строго. Не веришь? Придется.

Брама шагнул вниз, механически кивнув в ответ молодому пареньку в спецовке с нашивкой МАИ на фоне «соцветия», как называли символ мемориала. Паренек подлетел к особисту, трепетно поглаживая борт глайдера:

- Здравствуйте, Олег Валерьевич. Как аппарат, замечания есть?

- Да, пробовали на всех режимах: на сверхзвуке тяга барахлит, ямы все пересчитали. С телеметрией хуже всего: при входе в воздушные коридоры скорость не отсекается, приходится переходить на ручное управление. Требуется доводка.

- Учтем - бросил вихрастый Сергей, нырнув в нутро глайдера, открыв приборные панели и скрывшись в проводах.

Самум подхватил путника под руку и потащил через парк вслед за Полиной. Над полевыми цветами звенели шмели, от тенистых лип тянуло прохладой недавнего дождика, слышалось размеренное ку-ку и детский смех.

- Зачем ты так, Самум? Чудесный же аппарат, нам такое и не снилось. Парень расстроился, болеет душой за свое детище.

- Не Самум, а Олег Валерьевич, по крайней мере, на территории НИИ. Незачем людям знать наши позывные. А Сергей да, расстроился. Но, узнав скольких погубит недоведенный до ума глайдер, расстроится еще больше.

- Слушай, я как-то не подумал. Я ведь липовый майор, Валерьевич. Кречет в Зоне звания присваивал для поддержания боевого духа и дисциплины, у меня всего образования школа, коридор, да учебка танковая.

– То, что ты не умеешь циркулем по карте мерить, я знаю, и что из того? Соображать хуже стал? Не думаю. Да, ты прав, глайдер я взял не просто так. Случись сбой, то при таких скоростях пилоту никакая автоматика уже не поможет, а мы и сами телепортируемся и аварию устраним. И техника будет цела и люди живы. Не хочется признавать, но Полинка права, тебе определенно пора переходить на мирные рельсы.

– Получается, я как бы комиссован, но ни прописки, ни работы, даже документов и тех нету. Заметут.

– А мы сейчас посмотрим – ухмыльнулся особист, обходя здание и поднимаясь по мраморным ступенькам к входу.

За высокими, окованными бронзой дубовыми дверями их ждала проходная и молодой охранник в заломленном на ухо берете. Увидав особиста встав отдал честь, стала видна нашивка службы ПРО и Браму сковало оцепенение. Спустя мгновение оно пропало, показалась лохматая голова кеноида и сконфуженно пробасила:

– Мои извинения, Анатолий Петрович, не признал вас сразу. Но, порядок прежде всего.

– Вы Брамской? Тот самый Брамской? Нам же о вас в училище легенды рассказывали! – подпрыгнул на месте охранник – Жетон ваш к сканеру приложите. Да, прямо на раму. Минуточку...

– Да? – обернулся Брама, засунув пальцы за пояс и хрустнув броней.

– Автограф можно? Олег Валерьевич, разрешите? – умоляюще смотрел охранник, протягивая легенде вахтенный журнал.

– Только не трезвоньте всем, нам работать надо, а не автографы раздавать.

Брама размашисто подписался напротив своей фамилии, и задумчиво окинул взглядом просторный холл:

– Вот смотрю я на это и жду, вот Шуман выскочит. Такой же свет, стены такие же, в тех же тонах. Старик был бы рад.

– Ты еще зал славы не видел, там не только Шуман, а все наши. Но это потом, а сейчас наверх.

В НИИ пахло наукой. Покрытое зеленью витое бронзовое литье обрамляло дубовые стены с портретами светил науки, льющийся из высоких стрельчатых окон свет был мягок, располагая к умиротворению и размышлениям. Несмотря на утро, а было что-то около одиннадцати часов, летнее солнышко уже стояло высоко в зените, пробиваясь сквозь тяжелые гардины потоками золотистого света. В больших дубовых кадках, в которых во всех уважающих себя заведениях почему-то принято разводить пальмы, развесил разлапистые ветви папоротник. Брама мог поручиться что это папоротник из далекой НИИ Экс-один, когда-то бережно возвращаемый самим товарищем Шуманом, а ныне произрастающий в институте. И что самое странное, папоротник этот цвел. Всем известно: папоротник не цветет и размножается спорами, а все легенды о его цветке не больше чем миф, народный фольклор, положивший место множеству страшных, чарующе завораживающих сказок и преданий. Но этот цвел. Самым непостижимым, загадочным, опровергающим научные каноны образом. Пчелам не было никакого дела до людских представлений, что может быть, а чего быть не должно, они вились над пахнущими лесной сенью золотисто-огненными цветками, кропотливо собирая папоротниковый мед.

В подобных заведениях всегда шумно. Без оногo любая организация просто не может существовать: кто-то постоянно хлопает дверьми, спорит, выясняя отношения между собой или, более громогласно, по телефону, шатается из кабинета в кабинет отвлекая бумажной перепиской и согласованиями отделов. В МАИ же, Министерстве Аномальных Исследований, было дивно тихо. Даже от архаичного, бряцающего сдвигающейся в сторону решеткой лифта было слышно как гудят над папоротниками пчелы. Оказалось, в этом не было ничего ненормального, было аномальное. Стены предусмотрительно выкрашены поровой краской, которой сталкеры в Зоне ранее оборачивали нейтрализуя артефакты. Порой шум вреден не менее нежели жесткое излучение. Но кроме шума поровая краска так же вбирала излишние эмоциональные эманации. Из-за этого в кое-каких отделах приходилось перекрашивать стены по несколько раз, зато выражение грозовые тучи над головой тут имело вполне физическое выражение.

Самум уже закрывал дверку лифта, как к ним подкатился живенький сухонький старичок. Протиснувшись внутрь, он окинул Браму оценивающим взглядом и начал трепать руку особиста:

- Олег Валерьевич, Бога ради, где вы пропадаете? В питомнике полный хаос! Полина Викторовна уезжала вместе с вами!

- Эээ... Василь Палыч, она уже должна быть на месте, а что такого успелось стрястись за это время? Баюны снова чудят?

- Помилуйте, милейшие создания. У нас там настоящее ЧП! Коты! На территории НИИ коты!

- Какие коты? - Брама удивленно рассматривал седые включенные волосы старичка - обычные дворовые?

- А вы собственно - заинтересованно сверкнул глазами смотритель питомника - по вопросу их отлова? Я давал запрос.

- Василь Палыч, вы налетаете так неожиданно, что я просто теряюсь. Вынужден разочаровать, но Анатолий Петрович специалист, эээ... иного профиля. Он скорее по парнокопытным и иным крупным скотам.

- Погодите же, Олег Валерьевич - выходя боком из лифта и тайком показывая кулак, заинтересовано бросил Брама - может мой опыт по иным скотам поможет решить возникшую ситуацию. Так что там у вас в питомнике?

- Лезут, Анатолий Петрович, лезут самым наглým образом на территорию НИИ, несмотря на предписание!

- Какое предписание?

- Подписанное и развешанное. Запрещающее диким неразумным котам приближаться к питомнику баюнов.

- Погодите, территория НИИ охраняется, и проникнуть сюда, а тем более пронести кота посторонние просто не могут.

– Зачем посторонние? – сдвинул брови Василь Палыч – хватает и того, что они сами через заборы лезут.

– Ага – кивнул обалдевший Брама – кажется, я понял драматизм ситуации. Не обижайтесь, но, привыкнув к баюнам, вы упустили из виду тот факт, что кот дикий неразумный не способен подобно им к чтению предписаний.

Василь Палыч какой то миг изучал серьезное выражение Браммы, выискивая там тень насмешки, а потом кивнул:

– Мне кажется, вы правы. Вздор какой то! Конечно же не умеют, но что делать? Они лезут возмущая питомник.

– Со стороны баюнов был заявлен протест?

– Именно, Анатолий Петрович. Разве вам бы понравилось, если бы вас, рассматривая со всех сторон обсиживали макаки?

– Так велите охране применить пневматическое оружие с резиновыми пулями. Это будет куда весомей предписания.

– Помилуйте, как можно? Дикость какая! Да, я крайне возмущен, но такое! На территории НИИ расположен детский сад. Хорошенький же мы покажем им пример. Это решительно не годится.

Самум насмешливо взирал на злящегося Брамму, мельком поглядывая на часы. Потом тот просиял.

– Тогда можно иначе. Как я понимаю, сами баюны не хотят, или не могут разрешить данный конфликт? Так пусть его решат иные разумные представители! Достаточно попросить помощи кеноидов. Думаю, кот дворовой обыкновенный кроме неумения читать, не особо разбирается в тонкостях межвидовых отношений, а рванет при их виде задравши хвост.

Василь Палыч какой то миг вникал в простоту решения, потом горячо потряс руку путника:

– Позвольте, это должно сработать. Точно должно! Будите у нас в питомнике, непременно заходите!

Он быстро засеменял по коридору, а особист уважительно хмыкнул:

– Ловко. Задрал нас Палыч этими котами, спасу нет. Слегка поехал по фазе с предписанием. Теперь будет кенов доставать по поводу караула территории. Баба с возу, коням легче. Пошли, там Вересу куда хуже.

Дверь распахнулась, и перед ними предстал бывший разведчик ПРО. Казалось, из грозовой тучи над ним вот-вот полыхнут молнии. Он разговаривал по старомодному телефону и едва сдерживал себя:

– А мне плевать, понимаете? Этот вопрос находится не в моей юрисдикции. Не могу я выделить лишних сотрудников, просто не могу. Баюны, конечно плодятся как кошки, но обеспечить ими в промышленном масштабе пока не можем.

С этими словами он звякнул трубкой о аппарат и взъерошивая волосы выдохнул:

– Как Полина со всем этим управляется, ума не приложу. Нет, вот выньте и положите им для экспедиции баюнов, а?

– А что с ними такого?

– О, затворник наш появился! Очень рад. Чаю?

– Да нет, мы вчера посидели и так горит. Спасибо.

– Ага, ну смотрите, а Полинка где? Достало меня МЧС по самое не могу, пусть сама с ними мучится, с ООН и то легче.

– А что с ООН? Говорят ты важная шишка – Брама плюхнулся на диван, потянулся было за сигаретами, но осекся.

– Как всегда клянчат образцы и грозят санкциями, если не допустим к Зоне. Пусть грозят. Перетопчутся.

Распахнулась дверь, вошла Полина с младшим Вересом на руках, чмокнула Брамму в щеку и передала ребенка мужу.

- А это что еще такое? За какие заслуги? - с деланной ревностью нахмурился разведчик, подбрасывая сына на руках.

- Учись как надо вести переговоры! Полчаса человек в НИИ, только-только из глухой деревни, а уже снял с шеи Палыча.

- Вот это номер - просветлел Верес - он всю плешь мне проел. Верите, приставал до тех пор пока я, замещая Полину, не подписал это дурацкое предписание. Ребята из охраны за животы хватались, развешивая его снаружи.

- Полно вам - покраснел Брама - так что там ООН? Угрожали?

- Пыжились, пока у них над головами СуКИ не прошли.

- Тише, тут же дети.

- Что? Ты не понял - засмеялся Верес - СуКИ, это истребители шестого поколения. Су Конверсионно-Инерционный, с обратным крылом на гравитяге. Приписаны для охраны дипломатического самолета. Господа из Женевы, увидев такое чудо беспрепятственно и незримо прошедшее через противоракетную оборону Европы, сразу скинули. Особенно, когда они ушли обратно в непрогляд закопсулировавшись в поле. Так что, броня крепка и танки наши быстры. Сразу сменили тон и решили сообща на юсовцев надавить, дабы представить Мак-Грегору дипломатическое убежище.

- Погоди, это не капитан ли авианосца? Фамилия у него больно знакомая.

- Точно - разливая минералку по стаканам, уточнил Верес - тут целая история. После Агарты из него сделали военного преступника, обвинив в предательстве национальных интересов и сотрудничестве с врагами. На самом же деле за исчезновение черт знает скольких тон ириния из трюмов «Рузвельта». Кто-то из матросиков упомянул этот эпизод, ну и...

- Ну да, такой куш упустить и что?

– Мы отвлекли временно лесников и те решат эту задачу в два счета. Им выдернуть из-за рубежа нужного человека куда проще, чем гнать по следам выворотника. Сделают в лучшем виде. Сам-то куда думаешь податься?

– Я бы рассмотрелся, сколько всего, глаза разбегаются. Будто не десять, а сто лет прошло, и в будущее попал, верите?

– Верим – кивнул разведчик, что-то черкая на бумаге – вот тебе пропуск. Пока в статусе стажера, побродишь, вникнешь, а потом уже в совет войдешь. Только броню скинь, незачем мальчишкам голову пудрить, сам знаешь, романтика, мечтатели.

– Мне в труселях что ли рассекать? Так я так в таком виде на сотрудниц смущение нагоню.

– Был балбесом, балбесом и остался. Выдадим комбез по фигуре. Не такой бронированный, ведь институт у нас мирный, не считая мелких уступок Мин обороне вроде СуКов. Пусть резвятся, пока могут.

– Ладно, счастливо оставаться – похлопал Браму по спине особист – на первое время ты пристроен, а мне пора. После Звездочета у меня столько дел осталось, не поспеваешь меж ведомствами разрываться: и ПРО и МАИ и вероятники.

Верес потрепал его руку, Полинка чмокнула в щеку и убедившись что лишних глаз нет, особист растворился в воздухе.

* * *

Брама рассматривал отражение в стекле. Отражение имело растерянный, но в целом довольный вид. Комбинезон ладно сидел, подчеркивая широкие в сажень плечи и серые, металлического отлива глаза. Лицо сурово-решительное, как рисуют мужественных героев в правильных книжках для хороших детей. Плохие никаких не читают, и зря. Броня путников осталась висеть в шкафу маленького номера. Специалистов собранных со всей страны, курирующее институт новообразованное министерство аномальных исследований расселяло по

маленьким комфортабельным номерам. Назвать блистающей чистотой и ухоженностью корпус общежитием и шарагой язык не поворачивался. Семейным выдавали номера побольше, открыв на территории НИИ детский садик, а более старших детей распределили по местным школам, позаботившись о транспорте. По сути это были полноценные квартиры, только за них платило государство, а не проживающие. Он обернулся на скрип двери, Полина подхватила его под руку и потащила возле разнообразия клумб.

- Все, определила дите в садик, теперь можно заняться работой. Пошли, посмотришь на наш кошкин дом, он же резиденция и питомник баюнов имени товарища Шумана.

- Сколько лет знал Евгения Петровича, а особой тяги к честолюбию в нем не заметил. Тут куда не ткни - им. тов. Шумана.

- Да это не он. Сами баюны так решили. Я особо не возражала, зная их умственный уровень. Разум у них полудетский, требующий опеки, до зрелого уровня кенов им ой как далеко. Несмотря на всю трепологию они сами пока не могут. Потому, несмотря на статус разумного вида, мы, их невольные творцы, несем за них ответственность. Учимся сосуществовать.

- А кены - провожая взглядом юных сотрудниц, мысленно облизнулся Брама - тоже опека, типа братья наши младшие?

- Нет, они сами по себе. Просто им с нами интересно. Часть Рода расположилась на Агартти вместе с колонией, часть тут.

Они повернули от главного здания направо, и пошли вдоль акациевой аллеи. Несмотря на середину лета, они еще цвели.

Принцип прогрессорства

Брама привычно потолкся в милой советскому человеку толкучке фойе, с сомнением посмотрел на богатую роспись икон и множество незнакомо-бородатых лиц взирающих с палитурок по-отечески снисходительно и немножко насмешливо. Может так казалось, может и нет, черт его знает: воспитание он получил советски-атеистическое и о религии имел стойкое зачаточное представление, ненароком зароненное Схимой. Недавняя знакомая дернула его под руку и с восторженным писком потащила в толпу. Брама снизал плечами, и как ледокол начал пробиваться через людское море, туда, где кажется что-то давали. Как оказалось, давали вовсе не пирожки и даже не пиво, а некие забавные книжицы в плохой мягкой обложке одинаково-вычурного стиля слизанного с византийской живописи. Оказалось, вовсе не давали, и вовсе не за зря, а продавали за эти самые, гривны. Он еще не привык, что есть деньги кроме рубля. Повизгивающая толпа интеллигентных с виду людей едва не придавила Наталью, он пожал плечами, и вокруг них стремительно рассосалось, а продавец тут же выложил все книжки стосом.

– И что? Это все вместе? Да с меня и одной хватит, я кроме колобка и букваря мало что читал.

Продавец на миг задумался и услужливо улыбнулся:

– Ах, какой духовный юмор! Да, это духовная азбука нашей наставницы, читать надо не спеша и с трепетом.

– Трепетом? Ну да, был у меня такой знакомый, он сейчас за небом работает – вздохнул путник.

– КОНОвец? – сразу напрягся продавец, а толпа враз затихла, словно по команде вытаращив на путника глаза.

– Ну да, перешел в иную вероятность. Ладно, берем не глядя, Наташенька, да не скулите мне на ухо, я же оглохну.

Взяв книжки под мышку, по-барски расплатился, оставив сдачу вроде как на чай. Иного объяснения, почему ее не вернули, он не нашел. Да бог с ним, иная вероятность, иные правила. Плотно пахло ладаном, ароматическими маслами и прочими дурманящими благовониями. В самом углу у раскладного столика

скромненько толкся потертый интеллигент с внешностью профессора выкинутого здешней суровой жизнью на общепринятый спекулятивный промысел, и уныло жег индийские палочки, отравляя воздух более бойким конкурентам. Продавцы не лукавя продавали книги о божественном по ценам откровенно безбожным, нахваливали товар с восторженным видом, какой бывает либо у умалишенных, либо у идиотов. Он привычно выделил в толпе нескольких военных, в довольно ветхой одежде еще советского производства, которая в отличии от китайского ширпотреба держалась уже двадцать лет и не разлазилась после нескольких стирок. Наташенька снова взвизгнула, Брама поморщился от акустического удара, и повернул голову на лязг. По залу приближалось нечто лязгающе-бряцающее, несущее на груди широкий ассортимент всевозможной бижутерии. Прикинув, что все дамы любят красивые цацки, он немедля направился к продавцу. Вперившись в это чудо, ростом в метр с кепкой, блистающее как победитель множества кинологических состязаний, Брама с миг изучал ассортимент цепочек и веревок, а потом выбрав фиговину позаковыристей, дернул:

- Это.

- Что это? А, это для растворения мозговых перегородок. Иерусалимский крест, весьма способствует.

- Ага, глядя на вас сразу понимаешь, все уже растворилось. Заверните.

- Как - опешил метр с кепкой - это же мое, я не продаю!

- Погодите, а зачем же висит на груди этот, извиняюсь, иконостас как не на продажу?

- Это для трансформации энергий, этот вот от перестроечных болей помогает, а этот...

- Извините - отошел в сторонку Брама - я не знал что вы больны. Сочувствую, скорейшего вам выздоровления.

Происходящее нравилось все меньше, попахивало бутафорией и нездоровым психозом, хотелось развернуться и уйти, плюнув и сделав многозначительный жест у виска, но ему было жаль Наташеньку, бледное, заморенное жизнью и

социумом существо. Вздохнув дымящийся фимиам, путник повел ее к раскладке с блестящими безделушками, надеясь, хоть эти предназначены на продажу. Выслушав от сноровливо пересчитывающего купюры продавца ряд ничего не значащих для него фраз о назначениях всех этих крестиков, панагий, знаков и прочих атрибутов махрового оккультизма крепко приправленного эзотерикой, он выбрал несколько весомых золотых прикрас и навесил на шею просиявшей и растерянной спутнице. Какое-то время она пыталась снять, отнекиваясь, что это слишком дорогой подарок, но Брама так зыркнул на нее, что она враз присмирела и умолкла. Сообразив, что он перегнул палку, путник, извиняясь, улыбнулся и потащил на улицу:

- Пойдемте ка, Наташенька на свежий воздух. От всего этого благоухания у меня разболелась голова.

- У вас идет чистка от негативных вибраций. Переплюсовка полей.

- Может - согласился путник, схватив за шкурку молодое длинноволосое существо мужской наружности, налетевшее на его спутницу и не извинившееся, и как следует трепанул - поаккуратнее, а то зашибу негативными полями.

- 02 —

На лекциях Брама откровенно зевал. Вначале, когда на сцену степенно вышла полная женщина в окружении свиты, он склонился к Наташеньке и прошептал:

- А чего эти с ней на сцену лезут, под конвоем, что ли ведут?

- Это ее помощники. Вот видите, воду в стакан наливают, микрофончик поправляют.

- А она что, такая немощная, сама себе налить уже не может? Нет, у меня глаз наметанный, точно конвой.

Наташенька бросила на него негодующий взгляд, однако руки не выдернула, и Браме не осталось ничего иного, как удобнее расположится в кресле, протянуть

ноги и внимать предложенной мудрости, обильные потоки которой лились со сцены. Надо признать, некоторые факты были довольно интересны, хотя и не новы, но преподносились с позиции в которой смешалась и эзотерика и какое-то контактерство, а особо опасные углы камуфлировались под православие. В остальном же слушателям предлагалось откинуть весь свой опыт, то есть не думать вовсе, и верить каждому слову открывшись сердцами, проще говоря, принимать как истину в последней инстанции.

Браму это откровенно смешило: вот так вот взять и поверить на слово громкому званию эксперт оператора энергоинформационного канала за просто так, без всяких научно обоснованных доказательств и подтверждений? Для весомости своих слов оный оператор, обещающий вести, нести и учить каждого доверившегося, аргументировал слова выдержками неких светил, которых в мире академической науки почему-то никто не знал. Наука вещь точная и требовала доказательств теорий, которые подтверждались либо исследовательским путем, либо расчетным анализом. А тут выходило довольно интересно: слушателям предлагалось верить в нечто эфемерное, верить бездоказуемо, опираясь только на правдивость слов, без всякой проверки и доказательств со стороны ведущего. Ему стало скучно. Доктора бы сюда, проблема сознаний его конек. В том, что тут шла обработка человеческого материала грубым напильником он уже не сомневался. Интересно было одно, с какими целями все это делалось? Он засек на первых рядах лица с таким же высокомерно-умилительным выражением, не иначе группа поддержки, и тут его в бок толкнула Наташенька:

- А вы чего не пишете? Надо писать каждое слово, больше вы такого нигде не найдете и не услышите!

- Бросьте, у меня диктофон пишет - он кивнул на браслет голема.

- Что вы - округлила Наташенька глаза - это запрещено! Она предупреждает, что сожжет всю технику!

- А как же бочковая продажа записей в фойе? Техника при такой записи не горит? Берете скажем, колбу дисков по гривне пятьдесят за один, а потом продаете одну растиражированную лекцию по сто гривен за штуку. Золотое дно. Не бойтесь, моя техника и не на такие нагрузки рассчитана. Но вы пишете-пишите, ловите каждую крупницу.

Наташенька тут же продолжила строчить мелким стенографическим почерком, а Брама позевывая и скользя глазами по залу, заметил таких же скучающих мужчин, которых привели просвещать в истине их половины. Они чистосердечно делали вид, что внимают плотному потоку псевдо христианского культа, который выходил на словах куда умнее-выше-чище-лучше чем остальные земноводные и земнородные. Больше всего досталось попам и прочим лицам духовенства, которое цинично высмеивалось как отсталое, тормознутое и зашторенное. При этом пользоваться плодами церкви и православия вовсе не возбранялось, а приветствовалось, поскольку его столпы именовались таким же словом – подвижники, имея с нынешними «эксклюзивную прямую связь в тонком мире», где все мы с вами будем.

Ему было непонятно какие же, собственно, выдающиеся подвиги совершили эти, современные, чтобы вот так вот сразу, по определению ставить себя выше не только христианского мира, но и всей цивилизации, выйдя на какой-то непонятный надрелигиозный уровень? Бред сивой кобылы: бессовестно пользоваться плодами религиозной и философской мысли поколений, при этом называя его несовершенным. Браму взяла здоровая злость и чисто советское – за державу обидно. Обитателем этой вероятности повезло в полном отсутствии аномальной Чернобыльской Зоны, с лихвой компенсировавшись обостренными социальными проблемами, вместо решения которых людей направляли в прекрасное далеко, показывая путь, но не давая к этому ровно никаких методов или возможностей. Говоря проще, забивали и без того полную проблем голову маняще недостижимыми ступенями эзотерики, ничем не подтвержденными в реальной жизни. Бандиты в Зоне были и то честнее, давая подталкиваемому дулами автоматов пойманному сталкеру хотя бы пригорщу камней, для обозначения границ аномалий и ловушек. Он развеселился, увидев в происходящем общие аналогии. Вещающий со сцены оператор был типичным доминусом, подавляющий своим полем всякую способность к разумному мышлению, постепенно беря мозговые ячейки сидящих в зале под контроль. Точно: все сидят как болванчики и глазки такие-стеклянные-престеклянные, а руки инстинктивно ищут автомат. Но ни один порядочный доминус не ходит без свиты – свита доминуса сидела в первых рядах, держа зал в «поле любви», вот блин затейники! Когда вернется домой, непременно расскажет Григорию, пусть посмеется такой шутке. Брама переключился на тонкое зрение и веселость смело как рукой: в зале проводились манипуляции не только на психологическом, но и на энергетическом уровне. Большая часть зала сидела в состоянии среднем меж эйфорией и протрацией: структуры были раскачаны от неумелого обращения с молитвенными резонаторами и сейчас отдавали, истощаясь, всю собранную долгими трудами «совершенствования» энергию

здешнему доминусу, на которой тот обрабатывал зал. М-да. Вот ведь как забавно выходит, а Самум сказал будет просто: слетаешь в забавный мир, посмотришь как развивается общество без Зоны. Да тут и без Зоны, в ставшим родным Киеве и по всему пост-советскому пространству проводится тотальная психологическая обработка, закамуфлированная под «духовное просвещение»! Семяцкого бы сюда, вот он бы устроил им пляски с бубнами, завернув хвостик бантиком, а рученьки за спину. Ну, Самум, ну стервец, прав был не выдавая при смещении оружие. Хотя погоди, тут же должно быть его отражение, местный Брама. Он встал и на вопросительный взгляд Наташеньки, бросив новомодное слово «чистка» удалился в туалетные комнаты.

Скучающие продавцы проводили его равнодушными взглядами, зайдя в туалет осмотрел его на наличие посторонних, запер кабинку изнутри и трансгессировал уйдя в непрогляд. Митош, упырья морда, охотно обучил начинающего оператора этому нехитрому, но очень полезному приему. Для синхронизации одинаковых сознаний пребывающих в плоскости одного отражения, необходим прямой физический контакт, а Брама не хотел пугать свое альтер эго внезапным появлением из воздуха. Да и кто знает, где оно обретается. Но, зная себя как облупленного обретается там где нужно. Мгновение и облупленный кафель и воняющий хлоркой туалет остался где-то далеко, а сам он оказался у цели. И точно, зная себя, он не ошибся. Альтер эго было облачено в китель с погонами генерала Службы Безопасности Украины, делая разнос по телефону. Видимо идея бытия Брамского во всех вероятностях именно такая: беззаветная служба отчизне. Даже если эта отчизна продажна и далеко не идеальна. Так или иначе, но во всех вариантах он принадлежал к тем или иным армейским частям или же силовым ведомствам. Но так крупно повезло впервые: оказаться там где надо и тем кем нужно. Может просто судьба? Вспышка, головокружение и вот они два в одном. Воспоминания местного Анатолия Петровича потоком хлынули в сознание: промелькнул длительный запой после развала когда-то мощной державы, пустая квартира в которой его никто не ждал, мучительный поиск смысла жизни и тяжелое продвижение по карьерной лестнице в реалиях независимости всех и от вся. Особенно от совести.

– Петрович, ты чего замолчал?

– Да что-то мне нехорошо стало, ладно, пройдет. Это бывает, нервы шалют.

– Ты береги себя, в твои то годы. Ну и дальше что? Что мне со списком делать?

– Подтереться этим списком. Ничего он не стоит, бумага, очередные политические игры. Ты вот что скажи. У тебя есть на налоговиков выход?

– Есть, говори что надо, сделаем. Для тебя что угодно.

– Что угодно не надо: нужно оперативно нарыть информацию на одну общественную организацию. Особенно счета. Организация что-то вроде очередной байки о благотворительности и духовном просвещении сектантского толка, но чем все это может заниматься на самом деле, знаешь лучше меня. Работа не по профилю, но очень надо.

Брама быстро продиктовал еще несколько фраз, бросил трубку и вызвал референта:

– Василий, зайдите ко мне на минутку.

Стукнула высокая лакированная дверь, вытянутый в струну референт щелкнул каблуками и застыл.

Брама посидел, минуту соображая, а потом кивнул:

– Перед новым генералом выслуживаться будешь, я последний день в этом кресле. Завтра в отставку. Готовь оперативную группу на выезд. Хоть перед уходом сделаю для страны стоящее дело.

Референт вышел, а Брама обвел кабинет глазами, презрительно скользнул глазами по желто-блакитному знамени продажной независимости, набундюченному президентскому портрету и испарился в воздухе.

– 03 —

Место приземления он выбрал крайне неудачно, едва не материализовавшись на голове у кричащего от артрита старика. Посмотрев на него, сочувственно покивал: вам бы лечится, дедушка, а не шататься по сомнительного рода заведениям. Медленно прошел через фанерную стенку и

воплотившись в прежней одежде глянул на голем: смещение заняло всего ничего. Затем сполоснул лицо под жесткой струей воды у ржавой раковины, попробовал посушить руки под неработающей сушилкой и вышел наружу. Тусклое табло древних, советских времен электронных часов над входом в зал отсвечивали несколько минут до окончания занятия, заходить он не стал, решив дождаться Наталью снаружи. В зале зашумело, захлопало стульями и рвануло из дверей плохо организованной толпой. Видимо духовные принципы запрещали пропускать женщин вперед, все толклись и напирали друг на друга. Наталья выбралась из толкотни, разыскивая его встревоженными глазами.

Ему вдруг захотелось, чтобы она его нашла. Странная, что ни говори штука жизнь. Дома, в родной вероятности, на него никто так никто не смотрел. Он был убежденным холостяком и планировал оставаться таковым и дальше, а вот поди ты, отозвалось что-то. А может это чувства местного Брамы, такого же законченного холостяка и без пяти минут пенсионера? Хотя Бrame ни за что не дашь больше сорока, он мог при крайней необходимости играючи скрутить в бараний рог десяток молодцев, и добрых, и не очень добрых. Умышленно Самум назначил местом смещения той утренней порой глухой ободранный парк или нет, но теперь Брама был за это признателен. Ну а дальше как всегда: рысцой к ближайшему метро, оперативно осмотреться, сориентироваться в социально-экономическом обустройстве общества и действовать согласно составленному плану. Срез общества предстал пред ним в виде кучки развязных молодых людей, приставших к Наталье близ парка у задрыванной трамвайной остановки, живой и наглядной иллюстрацией типичной СНГшной реальности с его упадком всяческих нравов. Брама не стал вникать в тонкости беседы, а провел показательную морализацию, аккуратно сложивши ее неожиданных участников в ту самую остановку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/moklyuchenko_viktor/retrospekt-vitki-spirali

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)